

УДК 821.161.1:39(=112.2)

Л. Н. Сарбаш

НЕМЕЦКИЙ МИР В ВОЛЖСКОМ ТРАВЕЛОГЕ XIX ВЕКА

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия

Аннотация. В статье анализируется немецкий мир Волги в жанре путевых записок (волжском травелоге) XIX в.: культурно-этническое своеобразие национальной жизни, образ немецкой Сарепты как уникального явления российской действительности. Кодификатором немецкого выступают экономико-хозяйственная деятельность колонистов, специфика жизненного уклада, национальный костюм и топонимика. Репрезентация национальной традиции создает культурно-историческое своеобразие местности. Автохтон представлен в волжском травелоге памятниками культурной идентичности.

Ключевые слова: путешествие, волжский травелог, немецкий мир, образ Сарепты.

Актуальность исследуемой проблемы. Волжский травелог – объемный и заметный пласт путевых записок в литературном процессе XIX в., который недостаточно исследован в современном литературоведении. Его художественная специфика, различные жанрово-видовые дефиниции, отдельные аспекты изображения полиэтноконфессионального Поволжья затрагивались в наших статьях [11], [15], [16]. Рецепция немецкого мира в волжском травелоге – тема актуальная; она не была предметом специального изучения. Некоторые аспекты этнокультурного изображения немцев Поволжья в различных жанровых модификациях в русской литературе и публицистике XIX в. нами рассматривались в [12], [13]. Цель исследования – показать специфику немецкого мира в волжском травелоге XIX в.

Материал и методика исследований. Идеино-художественное своеобразие немецкого мира в текстах волжского травелога продемонстрировано при помощи сравнительно-сопоставительного анализа, репрезентации этнической Волги в путевых записках русских писателей XIX в. В качестве материала использованы произведения Н. Н. Лендера, Г. П. Демьянова, В. Сидорова, К. П. Победоносцева, С. Монастырского, Г. Г. Москвича, А. Лепешинской и Б. Добрынина, В. И. Немировича-Данченко, А. А. Коринфского.

Результаты исследований и их обсуждение. В XIX в. в русской литературе широкое распространение получает путевой очерк, в котором значительное место принадлежит такому оригинальному художественному явлению, как *волжский травелог* («путешествие по Волге»). Это сочинения А. Ф. Воейкова «Путешествие из Сарепты на развалины Шерри-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой Орды», Ф. Д. Нефедова «Этнографические наблюдения на пути по Волге и ее притокам», И. А. Гончарова «Поездка по Волге», Л. Н. Толстого «Еще день (на Волге)», А. С. Размадзе «Волга от Нижнего Нов-

© Сарбаш Л. Н., 2018

Сарбаш Людмила Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: sarbash.lu@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 18.12.2018

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-14-21019

города до Астрахани», А. Н. Островского «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода», Г. П. Демьянова «Иллюстрированный путеводитель по Волге 1898 г. От Твери до Астрахани», Н. П. Боголюбова «Волга от Твери до Астрахани», Н. Н. Лендера «Волга: очерки и картины», В. Сидорова «По России. Волга: путевые заметки и впечатления от Валдая до Каспия», Я. П. Кучина «Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью», К. П. Победоносцева «Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма», С. Монастырского «Иллюстрированный спутник по Волге: в 3 частях с картою Волги», А. Лепешинской и Б. Добрынина «Волга», В. Г. Короленко «Художник Алымов» и «В пустынных местах. Из поездки по Ветлуге и Керженцу», В. И. Немировича-Данченко «Великая река: картины из жизни и природы на Волге», В. И. Виноградова «Иллюстрированный спутник по всей Волге», А. А. Коринфского «Волга: сказания, картины и думы» и многие другие.

Авторы путешествий создают запоминающийся образ немецкого мира: жизненного уклада, хозяйственной деятельности и культуры поволжских колонистов, акцентируя внимание на самосознании немцев, их вере. В передаче рассказчиков-путешественников немецкие поселения – это пласт иной, европейской, культуры на берегах полиэтноконфессионального субрегиона. В соединении различных национальных констант Поволжья особенно выделяется немецкая специфика.

Н. Н. Лендер в травелоге «Волга: очерки и картины» уделяет особое место немецким колониям, которые являют собой иной мир российской действительности. Как и другие авторы путешествий, он выделяет Сарепту как уникальное и неповторимое явление: «совершенно изолированный от всяких посторонних веяний отдельный <...> мирок», который «ни одним штрихом» не напоминает остальные «пункты» Поволжья. «Жители Сарепты – немецкие колонисты, принадлежащие к религиозно-экономической ассоциации, известной под именем гернгутеров или евангелического братства (Bruderunitat), высшей целью которого основатели братства поставили осуществление на земле истинно благочестивой жизни Спасителя и его апостолов; Гернгутерское братство, благодаря действительно высокой нравственности и трудолюбию, приобрело много последователей», – отмечает писатель [5, с. 202]. В описании сарептского сообщества Н. Н. Лендер акцентирует внимание не столько на национальном, сколько на религиозном факторе, являющемся, по его мнению, определяющим: сарептяне «прежде всего христиане, а затем уже немцы» [5, с. 202]. (Эту же особенность отмечал и Г. П. Демьянов в травелоге «Иллюстрированный путеводитель по Волге 1898 г. От Твери до Астрахани»: «Самый склад жизни гернгутеров, их характер, обычаи, скромные жизненные задачи – все это делало их непохожими на обыкновенных немцев» [2, с. 262].) В колонии, как замечает Н. Н. Лендер, «по слову Евангелия» все – братья, здесь отсутствует такое понятие, как *господин*, есть только *брат*.

В жизни гернгутеров писатель усматривает отсутствие каких-либо «увеселений» (нет клуба или театра, концертов, не говоря уже о трактире или ресторане), но братья особенно любят духовную музыку и вальсы «немецкого происхождения». Автор «путешествия по Волге» утверждает, что если вы посетите лютеранскую церковь, то получите истинное наслаждение: «...замечательно стройное, красивое и дружное исполнение божественных гимнов под звуки прекрасного, мощного органа. Я никогда не забуду того истинно поэтического впечатления, которое произвел на меня первый вечер, проведенный в колонии» [2, с. 210]. Н. Н. Лендер рисует картину своего пребывания в Сарепте. Утомившись дневным осмотром городка, он сел на скамейку в саду под сенью тополей. Над колонией, отдыхающей после дневных забот, убаюкиваемой ароматом ночи, простирается синяя бездонная глубь южного неба; и вдруг среди общего безмолвия рассказчик слышит «молитвенные звуки» органа и стройные голоса певцов. Это было торжественное пение братьев во время богослужения: ему казалось, что чудесные звуки уходили в поднебесную высь и таяли в ней.

Авторы «путешествий по Волге» неизменно обращали внимание на внешний вид немецких поселений, внутреннее убранство домов. Н. Н. Лендер дает всестороннее описание колонии. Окна комнаты, где остановился рассказчик, выходили на улицу, обсаженную по обеим сторонам красивыми тополями, раскидистыми кленами и другими деревьями. В доме чисто и уютно: старомодная, но опрятная мебель, «прислоненная» к чрезвычайно белым стенам; старое, но прекрасно сохранившееся пианино, старинные часы. Отмечаются «ряды картин и портретов», полочка для книг «божественного и богослужебного содержания»: «Среди картин находились изображения некоторых моментов из земной жизни Христа-Спасителя, изображение Мартина Лютера, сделанное по случаю четырехсотлетия со дня его рождения, затем ряд видов саксонской Швейцарии» [2, с. 204]. Здесь он отмечает духовно-религиозный и культурный уровень сарептян.

К. П. Победоносцев в представительском вояже-травелоге «Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма» также пишет, что в Сарепте почти все занимаются музыкой. В комнате, которую посещают туристы, стоит «прекрасный рояль», этажерка заполнена «классическими именами» – нотами, среди которых сочинения Гуммеля, Мендельсона-Бартольди и Бетховена, особо любимого сарептянами. Автор замечает на рояле «несколько новых вальсов», немецкие журналы для юношества, «нумера Gartenlaube», в тетрадах – собрание шведских и немецких гимнов и песен [10, с. 330].

А. П. Валуева в путешествии «По Великой русской реке: очерки и картины Поволжья» называет сарептян любителями музыки: «... в редком доме вы не встретите хотя бы плохенького пианино, и те самые колонистки, которые весь день проводят на кухне и в огороде, по вечерам разыгрывают Тальберга, а иногда и Бетховена» [1, с. 212]. Предметы «духовного содержания» – книги, ноты, картины, литературные и музыкальные сочинения иных эпох – создают определенную духовную атмосферу волжской Сарепты, соединяя временный социально-исторический план с универсальным, вневременным. Назначение произведений искусства в поэтике художественного текста исследовано нами [14].

В лирическом травелогe А. А. Коринфского «Волга: сказания, картины и думы» также представлены ее немецкие реалии. В стихотворении, которое многозначительно (и несколько иронически) называется «Немецкий рай», создается образ иной культурной традиции на волжских берегах: здесь, по определению лирического героя, «цветут» «сто-летние» колонии Баронск, Сарепта, Унтервальден, Рейнштадт, Гакельберг [4, с. 129]. Топос немцев создается маркировкой текста словами национальной речи – названиями поволжских колоний, которые воспринимаются как островок германской жизни, для немцев – это *Фатерлянд*, новое отечество на Волге. «Немецкий рай» характеризуется порядком, достатком и особым укладом жизни, в котором подмечается гражданственность:

Во всем у них порядок,
Зажиточность видна;
Ремесла и торговля;
Гражданственность слышна.
Ни грязи непролазной,
Ни буйных пьяных банд, –
Как будто ненароком
попал ты в «Фатерлянд» [4, с. 129].

Немецкая характерология в травелогe А. А. Коринфского выделяется другой национальной традицией: «азиятский» калмыцкий мир с «ламайским» монастырем («жарко молятся отцу смиренных – Будде») своей спецификой еще ярче оттеняют волжское европейское.

Многие авторы травелогов сводили описание немецкого на Волге к колонии гернгутеров Сарепте. Так, Г. П. Демьянов в «Иллюстрированном путеводителе по Волге 1898 г. От Твери до Астрахани», отмечая немецкие поселения Поволжья, обстоятельно рассказывает о колонии Евангелического братства гернгутеров, которая представляет собой «очаровательный уголок» российского Поволжья. Она напоминает ему оазис, на которой отдыхает глаз путешественника: с широкими мощеными улицами, обсаженными тополями, буквально утопает в зелени, с бассейнами воды, «чистой, как кристалл» [2, с. 287]. Сарепта видится еще прекраснее, находясь рядом с безлюдной, выжженной солнцем калмыцкой степью.

По его мнению, именно религиозные принципы гернгутеров, безупречные нравственные правила, «корпоративный дух» и «необыкновенная любовь к труду» способствовали процветанию Сарепты. Слово брата Г. П. Демьянов определяет как характеристическую черту сообщества: «Безукоризненная честность „брата“ составляла еще недавно его типическую черту, которая реально выражалась во всех сферах его жизни, не исключая и коммерческой; для него, например, не существует ни векселей, ни расписок, ни других бумажных обязательств; у него было „слово“, и это слово, освященное вековыми традициями, служило крепче всяких векселей и других измышлений, явившихся продуктом 19-го века» [2, с. 283–284]. В колонии нет пьянства, можно прожить длительное время и никогда не увидеть пьяного; нет бедности и нищеты.

Г. П. Демьянов рассматривает Сарепту в динамике времени, отмечая в истории колонии прошлое и настоящее, пишет об изменении жизни, духовно-нравственной атмосферы сообщества в 70–80-х гг. XIX в., когда «всесокрушающее время» ломает «вековые традиции». Он называет и многочисленные причины изменений в сообществе гернгутеров: переселенческое движение 70-х гг.; «специальность» Сарепты – производство ткани-сарпинки, горчицы и горчичного масла, чем стали заниматься другие поволжские города. По мнению автора травелога, основное сарептское производство (горчицы и горчичного масла) уничтожилось «монополией» фабриканта Глича, убившего конкуренцию [2, с. 284]. Он ограничивается только упоминанием фамилии семейства, Глич предстает во многом собирательным образом той «современности», которая разрушает основы христианского братства. Автор утверждает, что Глич не может представлять собой брата-гернгутера: это «сарептский Крез», который приобрел огромное состояние благодаря русским и «ничего путного» для Сарепты не сделал [2, с. 285]. Г. П. Демьянов называет еще одну причину изменений: братья, не удовлетворенные «скромной» ограниченной сферой деятельности в колонии, покидали ее, а пройдя обучение или приобретя небольшое состояние, вновь возвращались в родные места. Общество гернгутеров теряло тем самым свой замкнутый характер, что изменяло и устои Сарепты. Однако Г. П. Демьянов считает, что общинные традиции братства все еще сильны, духовные скрепы «не пали»: сарептяне и сейчас скажут не *господин*, а *брат*.

В. И. Немирович-Данченко в травелоге «Великая река: картины из жизни и природы на Волге», передавая многонациональное Поволжье, изображает и «немецкую» Волгу. Как иронически замечает русский «мужик» на пароходе, от Вольска «урожай на немца пошел». Топонимы (Цюрих, Шафгаузен, Екатериненштадт/Баронск) и антропонимы (фамилии семейств, владеющих мельницами, Рейнеке, Шмидт, Зейферт) передают немецкие реалии Поволжья. Автор отмечает благосостояние колоний, высокий технический уровень ведения хозяйства: разные машины и «диковинные мельницы»; торговля хлебом и добротные хлебные сараи на высоких волжских берегах; производство и обработка табака; ссудные банки для успешной деятельности и развития. Подплывая к Екатериненштадту, рассказчик отмечает большие хлебные амбары, которыми заставлен берег Волги [2, с. 283–284]. Обозревая немецкие колонии (русские называют их *колонки*), В. И. Немирович-Данченко резюмирует: «...веет <...> практичностью, хозяйствен-

ностью, довольством» [9, с. 99]. Среди немцев-колонистов он особо выделяет сарептян: они пришли в пустыню и «среди мертвых степей» упорным трудом создали свое «благо-состояние» [2, с. 283–284]. Кодификатором немецкого мира выступают специфика жиз-ненного уклада и экономико-хозяйственная деятельность немцев.

А. Лепешинская и Б. Добрынин в травелоге «Волга», описывая исторические до-стопримечательности, памятные места русских городов, особый интерес проявляют к эт-нонациональным культурным проявлениям поликонфессионального региона – татарско-му, чувашскому, мордовскому Среднего Поволжья, калмыцкому и немецкому Нижней Волги. Названия немецких колоний кажутся обоим рассказчикам странными на «великой русской реке», их они намеренно перечисляют, указывая тем самым на «немецкую» Вол-гу: «Шафгаузен, Гларус, Беттингер, Базель, Цюрих, Золотурн, Цуг, Люцерн, Унтерваль-ден, Сузенталь, Клюд, Ноб, Брокгаузен, Гокельберг, Орловская, Обермонж и главная из всех – Екатериненштадт, или Баронск» [6, с. 184]. Читателю разъясняется, что последняя названа в честь Екатерины II, пригласившей в Российское государство иностранных вы-ходцев, здесь поставлена государыне «бронзовая статуя» [6, с. 184].

Г. Г. Москвич в «Практическом путеводителе по Волге» также отмечал прекрасный памятник русской императрице как особую достопримечательность города: «Красивая бронзовая статуя изображает сидящую Императрицу; в руках у нее свиток с надписью „Manifest den 25 Juni 1765“. На пьедестале памятника надпись: „Der Kaiserin Katharina aus Dankbarkeit von den Saratovschen Ansiedlern. D. 24 November 1840“» [8, с. 296]. В других травелогах часто приводилась типолитография этого величественного монумента.

Внешний вид колоний отличается от русских поселений: широкие и чистые улицы, обсаженные деревьями, каменные дома. Комнаты уставлены мебелью, среди которой вы-деляются «старое фортепьяно» и немецкая большая кровать с «перинной и массой поду-шек» (последнее фиксируется как характерная черта немецкого жилища). Многими писа-телями отмечается «старость» музыкального инструмента: оно приобретено, скорее все-го, еще прежним поколением и передается по наследству.

Авторы большинства травелогов обращаются к немецкому платью как националь-ной характерологии. А. Лепешинская и Б. Добрынин также описывают мужской и жен-ский костюм, который выделяется своей спецификой в полиэтническом Поволжье: «Одежда мужчин состоит из картуза, белой рубашки под жилетом, темных панталон и длиннополого сюртука или куртки. Бороду и усы мужчины бреют. Женщины носят ко-роткие темные или цветные юбки с передниками, темные кофты, на голове платок, а на ногах чулки. Зимой же все одевают овчинные тулупы и полушубки, как у рус-ских» [6, с. 188]. В травелоге «Волга» даются литографии Сарепты и колонистов в наци-ональном платье: «язык» одежды конкретизирует инонациональный образ.

Практически все авторы «путешествия по Волге» отмечают род занятий в немецких поселениях. А. Лепешинская пишет, что немцы занимаются земледелием: пристань Ба-ронска отправляет до «2 ½ миллионов пудов» хлеба, громадные амбары Екатеринен-штадта вмещают до «5 миллионов пудов» [6, с. 186]. Занимаются они промышленностью и торговлей, разведением садов и табака; табаководство в Самарской губернии появилось именно «при немцах». Население немецких поселений грамотное: колонии располагают, как правило, школой и «киркой», по вероисповеданию колонисты принадлежат «к люте-ранам и разным протестантским сектам (гернгутеры, менониты, штундисты), меньшин-ство – к католикам» [6, с. 187]. Несмотря на то, что в Российском государстве немцы прожили более века, они сохранили, как считают авторы «Волги», свои «типические осо-бенности»: «аккуратны и педантичны», в жизни и быту представляют «контраст широ-кой, беспокойной натуре волжанина-великорусса»; «жизнь в колониях протекает тихая, размеренная, посвященная неизменному труду и исключительным интересам семьи и до-

машного очага» [6, с. 187]. Детерминантами национального выступают религия, образ жизни и хозяйственная деятельность немцев.

Среди немецких колоний А. Лепешинская выделяет Сарепту, которая по архитектуре домов и планировке улиц напоминает немецкий «городок средней руки»: отличается особым благоустройством, поражает путешественников «неизменной аккуратностью» и порядком, мощеными улицами с аллеями тополей и кленов [6, с. 256]. В травелоге внимание акцентируется на духовной специфике сарептского общества, его религиозной жизни, которая связана с высоким назначением братства гернгутеров: претворить на земле «благочестивую жизнь в духе христианства» [6, с. 186]. С духовно-религиозной жизнью соотносятся и черты немецкого характера; «иное» дается в его национально-индивидуальном проявлении, вне его упрощения. А. Лепешинская указывает на экономико-хозяйственную деятельность и благосостояние Сарепты: она «пользуется большим материальным довольством, здесь ... имеется гостиница, горчичные и другие заводы, а также различные кустарные производства, в особенности сарпиночное. Известны сарептский бальзам и пряники» [6, с. 256].

С. Монастырский в «Иллюстрированном спутнике по Волге: в 3 частях с картой Волги», констатируя наличие немецких колоний, обращается к пространному описанию Сарепты: она квалифицируется как «уютный уголок Германии» на Волге [7, с. 230]. Автор травелога приводит историческую справку об образовании колонии, которая сопровождается поэтической легендой о поселении гернгутеров. Поиски места для колонии по унылым степям Поволжья напомнили братьям библейскую историю о странствовании пророка Илии через пустыню в Сарепту Сидонскую и его слова, сказанные накормившей его вдове, что «водонос муки не оскудеет, и чванец еля не умалится» [7, с. 225]. Приняв эту мысль за «указание Божие», гернгутеры основали здесь колонию и назвали ее Сарептой. В контексте повествования о немцах возникает библейская история из 3-ей Книги Царств, 17 главы. Использование С. Монастырским мифологем национального сознания – немецкой истории гернгутеров, татарских и русских преданий о Черной палате Болгарского царства, ханской дочери, мордовских о плененной княжне – выявляет «далекие контексты», поэтизируя «память места» и способствуя осмыслению исторического прошлого в аспекте духовно-нравственной этнографии. (Особенности художественного мира произведения, связанного с христианскими традициями как отличительными чертами поэтики, анализируются в статье О. К. Евдокимовой [3].)

В «Иллюстрированном спутнике по Волге: в 3 частях с картой Волги» передается «многострадальная» история Сарепты в течение столетия, в изложении которой автор опирается на труд А. А. Клауса «Сектаторы-колонисты в России». Следует отметить, что многие создатели травелогов вводят в описание поволжских местностей специальные исследования экономического, исторического, религиозного характера. Представляет интерес в травелоге С. Монастырского типология немецких колонистов, которая демонстрирует национальный костюм – мужской и женский. Данный автор передает самобытность региональных мест с репрезентацией локальной культурно-национальной идентичности.

В. Сидоров в травелоге «По России. Волга: путевые заметки и впечатления от Валдая до Каспия» описывает «немецкое» Нижнее Поволжье. Автор путешествия перечисляет названия колоний, которые напоминают ему Европу: Шафгаузен, Гларус, Базель, Цюрих, Золотурн, Цуг, Люцерн, Унтервальден [17, с. 268]. Рассказчику представляется, что он находится не на русской Волге, а на берегах немецкого Майна или Эльбы: «Острые шпили немецких кирок, благоустроенные колонии – совсем крошечные западно-европейские городки с прямыми до педантизма улицами, непременно обсаженными деревьями, домики аккуратные, чистые, крытые безукоризненными тесовыми крышами... Повсюду аккуратность, чистота, порядок, повсюду тихая, мирная жизнь» [17, с. 268]. В. Сидоров описывает Немецкую улицу и «немецкие» достопримечательности Саратова

(по его утверждению, немцы считают его своей столицей): католический собор и лютеранскую церковь, которые советует посетить туристам.

Собор построен в характерном для таких сооружений романском стиле, между двумя готическими колокольнями располагается изваяние апостола Петра. Он необыкновенно красив снаружи; его внутреннее убранство также отличается великолепием: перед посетителем предстает интереснейшая «картинная галерея» и «собрание прекрасных статуй» [17, с. 276]. Поэтически описывается пространство собора: проникающий сквозь готические пестрые окна свет радужными красками отражается на статуях алтаря, изображающих папу Пия V и мученицу Фелимену; святой Климент на алтарной стене, как живой, задумчиво созерцает красоту собора [17, с. 275–276]. Автор травелога выделяет девять христианских изображений «на потолке», одно из которых особенно притягательно: передает Вознесение Богоматери, ее лицо одухотворено в «ожидания величайшего счастья», так что посетитель в каком-то необыкновенном изумлении невольно останавливается перед ней [17, с. 276]. Репрезентация национальной традиции создает культурно-историческую «память места», автохтон представлен памятниками культурной идентичности.

Вокруг православного собора Александра Невского располагается («обегает») липовый бульвар – любимое место горожан для гулянья. В. Сидоров пишет, что он саратовскими немцами в «память своего фатерланда» называется *Unter den Linden (Под липами)*» [17, с. 275]. Немецкое в травелоге – одна из заметных этнических констант Нижнего Поволжья, предстающего в национальной полихромности, ярком соединении различных культурно-исторических традиций. Автор описывает многонациональную саратовскую толпу в базарные дни: «Татары, киргизы, башкиры, мордва, колонисты, веселые малороссы, потягивающие свои люльки, соберутся сюда торговать. Сколько интересных, пестрых народных сценок, сколько разнообразных лиц!» [17, с. 276].

Резюме. Таким образом, следует отметить, что изображение национально-культурного ареала Нижней Волги создает в травелоге яркий образ немецкого мира. В «путешествии по Волге» передаются этнокультурные константы и осмысление духовно-нравственного опыта немецких колонистов. Многонациональный мир Поволжья предстает как своеобразный синтез, в основе которого – этническое многообразие и соединение различных национальных культур, одна из которых – немецкая.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валуева А. П.* По Великой русской реке: очерки и картины Поволжья. – СПб. : Изд-во В. И. Губинского, 1895. – 257 с.
2. *Демьянов Г. П.* Иллюстрированный путеводитель по Волге 1898 г. От Твери до Астрахани. – Н. Новгород : Тип. губерн. правления, 1898. – 323 с.
3. *Евдокимова О. К.* Художественный мир рассказа А. П. Чехова «Рассказ старшего садовника» // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры : сборник статей Всероссийской научной конференции. – Чебоксары, 2016. – С. 104–111.
4. *Коринфский А. А.* Волга: сказания, картины и думы. – М. : М. В. Клюкин, 1903. – 158 с.
5. *Лендер Н. Н.* Волга: очерки и картины. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1889. – 260 с.
6. *Лепешинская А., Добрынин Б.* Волга. – М. : Издание Товарищества И. Д. Сытина, 1911. – 280 с.
7. *Монастырский С.* Иллюстрированный спутник по Волге: в 3 частях с картою Волги. – Казань, 1884. – 332 с.
8. *Москвич Г. Г.* Практический путеводитель по Волге. – Одесса : Тип. А. Нитче, 1902. – 372 с.
9. *Немирович-Данченко В. И.* Великая река: картины из жизни и природы на Волге. – СПб. : Изд-во П. П. Сойкина, 1902. – 158 с.
10. *Победоносцев К. П.* Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма. – М. : Тип. Грачева, 1864. – 568 с.
11. *Сарбаи Л. Н.* Волжский травелог XIX века: идейно-художественное своеобразие и проблемы изучения // Вестник Марийского государственного университета. – 2018. – № 2, т. 12. – С. 143–149.
12. *Сарбаи Л. Н.* Немецкий мир Поволжья в русской литературе XIX века // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические : сборник научных статей Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2015. – С. 142–150.

13. Сарбаш Л. Н. Образ Сарепты в «Путешествии в полуденную Россию» В. В. Измайлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6, ч. 2. – С. 25–28.
14. Сарбаш Л. Н. Произведения искусства в романах И. С. Тургенева. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – 80 с.
15. Сарбаш Л. Н. «Путешествие по Волге» Алексея Потехина: инонациональное в творчестве русского писателя («Путь по Волге в 1851 г.», «С Ветлуги», «Река Керженец») // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры : сборник статей Всероссийской научной конференции. – Чебоксары, 2016. – С. 25–28.
16. Сарбаш Л. Н. Русские писатели XIX века о религиозно-христианских верованиях поволжских народов: Николай Чудотворец как «Русский Бог» // Вестник Чувашского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 1. – С. 302–309.
17. Сидоров В. По России. Волга: путевые заметки и впечатления от Валдая до Каспия. – СПб. : Тип. А. Катанского, 1894. – 360 с.

UDC 821.161.1:39(=112.2)

L. N. Sarbash

GERMAN WORLD IN THE VOLGA TRAVELOGUE OF THE 19th CENTURY

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article analyzes the German world of the Volga in the genre of travel notes (the Volga travelogue) of the 19th century, the cultural and ethnic identity of national life, the image of German Sarepta as a unique phenomenon of the Russian reality. The German codifier is the economic and business activity of the colonists, the specifics of the way of life, the national costume and toponymy. The representation of the national tradition creates a cultural and historical identity of the area; the autochthon is represented by monuments of cultural identity in the Volga travelogue.

Keywords: *trip, Volga travelogue, German world, image of Sarepta.*

1. Valueva A. P. Po Velikoj russkoj reke: ocherki i kartiny Povolzh'ya. – SPb. : Izd-vo V. I. Gubinskogo, 1895. – 257 s.
2. Dem'yanov G. P. Illyustrirovannyj putevoditel' po Volge 1898 g. Ot Tveri do Astrahani. – N. Novgorod : Tip. gubern. pravleniya, 1898. – 323 s.
3. Evdokimova O. K. Hudozhestvennyj mir rasskaza A. P. Chekhova «Rasskaz starshego sadovnika» // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры : сборник статей Всероссийской научной конференции. – Чебоксары, 2016. – С. 104–111.
4. Korinfskij A. A. Volga: skazaniya, kartiny i dумы. – М. : М. V. Klyukin, 1903. – 158 s.
5. Lender N. N. Volga: ocherki i kartiny. – SPb. : Tip. A. S. Suvorina, 1889. – 260 s.
6. Lepeshinskaya A., Dobrynin B. Volga. – М. : Izdanie Tovarishchestva I. D. Sytina, 1911. – 280 s.
7. Monastyrskij S. Illyustrirovannyj sputnik po Volge: v 3 chastyah s kartoyu Volgi. – Kazan', 1884. – 332 s.
8. Moskvich G. G. Prakticheskij putevoditel' po Volge. – Odessa : Tip. A. Nitche, 1902. – 372 s.
9. Nemirovich-Danchenko V. I. Velikaya reka: kartiny iz zhizni i prirody na Volge. – SPb. : Izd-vo P. P. Sojkina, 1902. – 158 s.
10. Pobedonoscev K. P. Pis'ma o puteshestvii Gosudarya Naslednika Cesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma. – М. : Tip. Gracheva, 1864. – 568 s.
11. Sarbash L. N. Volzhskij travelog XIX veka: idejno-hudozhestvennoe svoeobrazie i problemy izucheniya // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 2, t. 12. – С. 143–149.

© Sarbash L. N., 2018

Sarbash, Lyudmila Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: sarbash.lu@yandex.ru

The article was contributed on December 18, 2018

12. *Sarbash L. N.* Nemeckij mir Povolzh'ya v russoj literature XIX veka // Problemy kul'tury v so-vremennom obrazovanii: global'nye, nacional'nye, regional'no-etnicheskie : sbornik nauchnyh statej Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. – Cheboksary, 2015. – S. 142–150.
13. *Sarbash L. N.* Obraz Sarepty v «Puteshestvii v poludennuju Rossiju» V. V. Izmajlova // Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – № 6, ch. 2. – S. 25–28.
14. *Sarbash L. N.* Proizvedeniya iskusstva v romanah I. S. Turgeneva. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2004. – 80 s.
15. *Sarbash L. N.* «Puteshestvie po Volge» Alekseja Potekhina: inonacional'noe v tvorčestve russkogo pisatelya («Put' po Volge v 1851 g.», «S Vetlugi», «Reka Kerzheneč») // Čteniya, posvyashčennye Dnyam slavyanskoj pis'mennosti i kul'tury : sbornik statej Vserossijskoj nauchnoj konferencii. – Cheboksary, 2016. – S. 25–28.
16. *Sarbash L. N.* Russkie pisateli XIX veka o religiozno-hristianskih verovanijah povolzhskih narodov: Nikolaj Chudotvorec kak «Russkij Bog» // Vestnik Chuvashskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2012. – № 1. – S. 302–309.
17. *Sidorov V.* Po Rossii. Volga: putevye zametki i vpečatleniya ot Valdaya do Kaspiya. – SPb. : Tip. A. Katanskogo, 1894. – 360 s.